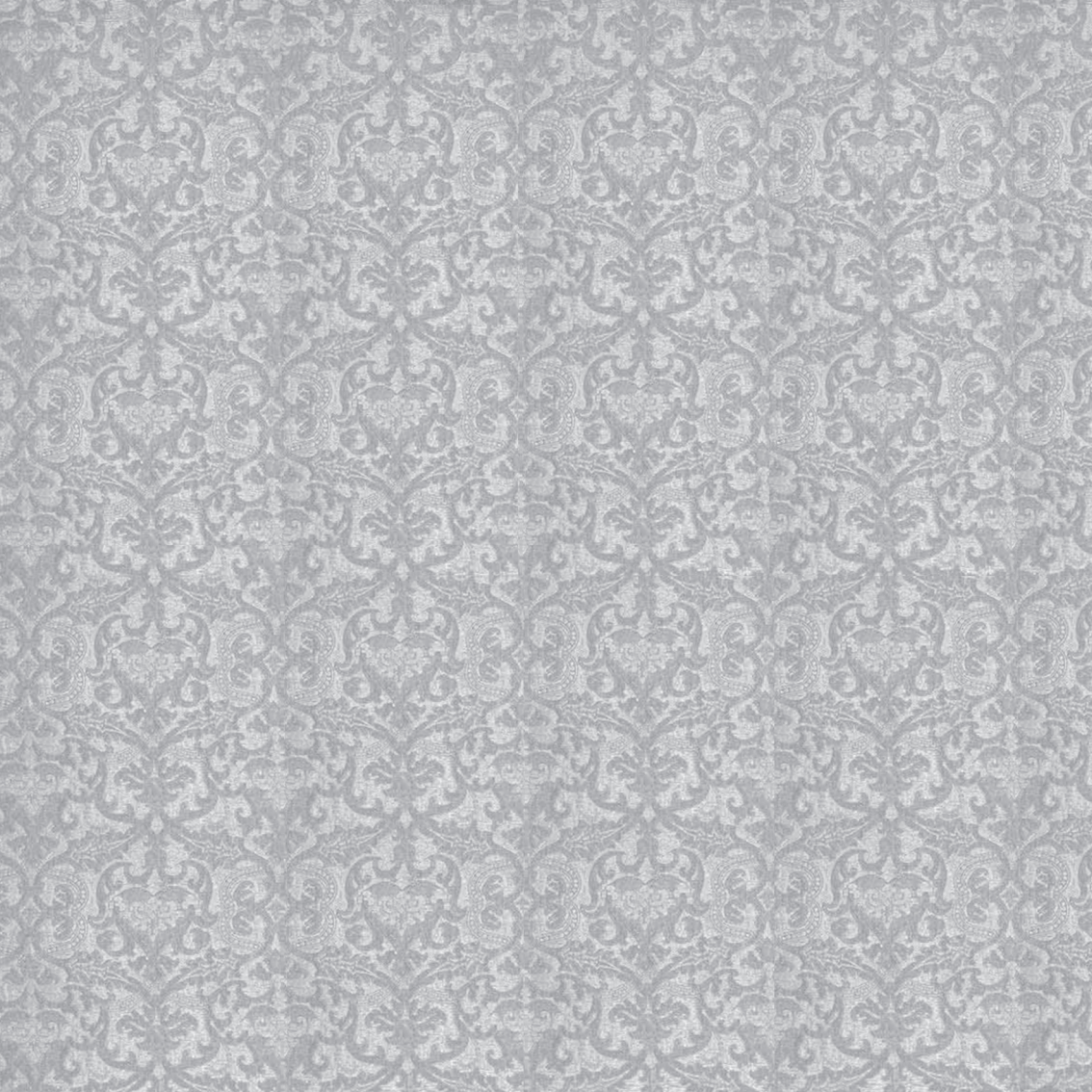

A decorative border made of repeating floral and vine motifs, with larger ornate designs at the corners and midpoints of each side, framing the central text.

Огюст Шуази

ИСНАНУА
■
ХУДОЖНИК

Видения картин жизни

Перевод А. Быстрова

Жгучее солнце Кастилии. Спускающиеся с холма ряды виноградников. Прогуливающаяся пара. Они одеты во все черное. Он без шпаги, в традиционных испанских штанах-галифе, длинных чулках и странных, длинных туфлях. Короткая куртка и белый стоячий воротник, снаружи обрамленный черным воротником куртки. Она в длинном платье на кринолине, высокая прическа, завершающаяся гребнем, закалывающим кружевную, черную вуаль. На плечах черная шаль.

Туфли почти полностью погружаются в рыхлую, высохшую, комковатую землю. Подол платья в пыли. Странная черная пара на почти белой, слегка коричневатой, выгоревшей земле, среди чахлых виноградных лоз.

Сегодня она похоронила мужа. Они идут рядом на некотором расстоянии друг от друга, молчат. Между ними сильное чувство, они близки, но они не равны по положению. Он художник, а она богатая испанская синьора. Проблема выбора – ее выбора, как жить дальше. Она нервно играет веером. Знойная звенящая тишина. Молчание, слов нет, он чего-то ждет, с чувством полной безнадежности. Она любила его, но сейчас перед ней открывается новая еще неизвестная перспектива, захватывающая и манящая ее. Перспектива жизни свободной, овдовевшей женщины. Он был ей дорог, поскольку составлял единственную радость в этом тоскливом безнадежном замужестве, навязанном ее семьей. Больно оставить его, но желание свободы уже захватило ее. Он все это понимает. Эта ускользающая иллюзия счастья, в котором он жил все эти месяцы, и опять подступающая, холодная, сжимающая горло рука одиночества, и перспектива жизни без этой игры в скрытую запретную любовь – острую, страстную, стремительную. Что дальше? Надо что-то говорить, что-то делать. Страшно, и не хочется. Трещина прошла между ними. Она уходит в но-

вый для нее мир, он остается в ее прошлом. Она испанка, он грек. Он будет терпеть, она – нет. И нет сил, просто разойтись. Он цепляется в мыслях за любую возможность сохранить хотя бы что-то из того – пережитого. Как может это быть, что он больше не увидит этих рук, шеи, гордой головы, которые он столько раз рисовал, а запах ее волос – никогда больше? А она уже вся в другом мире, мире ее грез и мечтаний. Мире других, роскошных мужчин и женщин. Неотвратно приближается тяжелая боль момента, когда надо прощаться и начнется совершенно иная жизнь. Ощущение полной невозможности остановить течение событий, вернуть тот теплый уют соединенных душ, укрывшихся от мира. Почему?! Испанец не смирился бы, стал бы бороться за нее. Но он не может, он грек, художник – он живет в своем мире красоты, который несовместим с насилием. И он отпустит ее, и останется один со своей любовью, свернутой в боль в глубине сердца.

Она протягивает ему платок, решительно поворачивается и стремительно уходит. Пройдет не так много времени необходимого траура и, привлеченный ее деньгами,

вокруг нее закружится хоровод новых красивых лиц – мужских и женских. Хоровод еще не знакомых, волнующих ощущений, острых или нежных – не так важно, главное новых. И ни взгляда назад. Даже самое дорогое, что было в то время – он – вызывает у нее лишь чувство некоторой боли от душевной раны, нанесенной ему разрывом. Он стоит неподвижно, напряженно смотря ей вслед. Вот и произошло то, чего он так боялся и ждал. Ты свободен, но той свободой, которой не хотел...

Это сладостный плен, переворачивающий всю жизнь на корню, заставляющий радостно звучать каждую клетку твоего тела и души, заставляющий видеть весь окружающий мир в странной, из глубины души исходящей радости, принадлежащей только тебе и зависящей только от нее. Реализовавшаяся, наконец, мечта одинокой души о счастье. Иллюзия, готовая рухнуть в любой момент. Это счастье, которое пришло независимо от тебя и уйдет также независимо, заставив пережить какие-то странные, мучительно приятные, абсолютно не контролируемые, властвующие над тобой минуты странной, трепетной, высокой чувственности...

Угол комнаты художника. Яркое небольшое окно справа, подчеркивающее глубокие тени в углу и в нишах стен. Стены оштукатуренные, беленые. Стол, узкая кровать. Вдоль стен полки с книгами – он много читает. В глубине комнаты кресло, заваленное одеждой. За столом сидит художник, в руке стакан воды или белого вина. На столе кувшин и тарелка с сыром. За окном голубое небо в жаркой дымке, яркие белые стены простых двухэтажных домов и сверкающий чуть охристый песок улицы. Несколько прохожих, прячущихся в тени дома. Он сидит на табурете, отдыхает, одет по рабочему. Видимо, перерыв в работе. Он в растерянности и полностью погружен в свои мысли. Какое-то внутреннее оцепенение.

Сделать над собой усилие, чтобы сдержаться и не закричать от боли. Надо пытаться жить дальше. В доме есть люди, слышны их голоса, но он одинок и замкнут в себе. Он не может ни с кем говорить, излить свое горе, здесь его никто не поймет.

Вообще он чужой в этом городе. Он не принимает образ жизни этих людей. Он недавно приехал из Италии, где мечтал остаться и никогда не предполагал, что жизнь занесет его сюда, в Испанию. Он воспитан античностью, с тонким пониманием красоты и гармонии, с ее высокой терпимостью, и внутренней свободой. Ему чужды кажущиеся вульгарными местные страсти, глупые амбиции, отягощающие внешние традиции. Это как свобода души, затянутая в корсет. Ему не понятен и неприятен их мир. Он прячется от них, чтобы эти люди не поняли, что он другой, не такой как они. Ему тяжело, но другого выхода нет. Он должен пытаться жить, найти свое место здесь. Хоть этим людям, по сути, еще очень чуждо само искусство, которому он посвятил всю свою жизнь. Картины для них – элемент престижа или украшения. Лишь единицы из них понимают смысл искусства.

Но он все равно будет писать, просто даже из любви и из ненависти к ним – таким. Может быть, его картины хоть что-то изменят в этом мире, как-то повлияют на этих людей. Да и просто потому, что он не может не писать. Потому, что это его жизнь, в этом весь ее смысл и тем более сейчас, когда он опять остался совсем один. Художнику так нужно понимание и благодарность зрителей, так нужна поддержка. Только она ощущала, как ему трудно. Но и она ушла.

Иногда ему казалось, что жизнь специально лишает его житейских радостей, заставляя его сконцентрироваться на работе и только на работе. Как будто работа ведет его к какой-то цели, для достижения которой он пришел на эту землю. И для этого он должен пожертвовать всем, самым для него дорогим. Он еще не знает, что это за цель, но ощущает, что она реально существует, и внутренне стремится к ней. Он должен ее достичь, во что бы то ни стало...

В храме на станке установлена большая картина «Срывание одежд, с Христа». Вокруг много народа. Художник отвечает на вопросы комиссии монахов иезуитов. В свете солнечных лучей, обрушивающихся на картину из окон в куполе храма она – великолепна. Центральная фигура Христа в красном одеянии притягивает к себе все взгляды и завораживает. В картине высокая внутренняя свобода, создающая эффект жизненной правды, поднимающейся над традиционными приемами и правилами. Как добился этого художник? Картина нравится всем, но вида никто не подает – каноны нарушены, как к этому отнесется высшее духовенство? Он объясняет, что толпа теснящихся людей вокруг фигуры Христа и выше ее, наоборот, подчеркива-

ет Его величие и высокое спокойствие, а красные одежды поднимают Его над ними, выделяют и придают торжественность и значимость происходящему. Люди на картине одеты в простые одежды современных художнику жителей города. Сотник Лонгин в дорогих латах и испанском воротнике. Этим художник как бы переносит те прошлые события в настоящее время, делает их актуальными. По канонам иконописи выше головы Христа не должно располагаться других голов, а художник допустил это, и, в целом, такой композиционный прием делает картину убедительной. Комиссия вынуждена признать его правоту, хотя протокол обсуждения был составлен и подписан...

Мастерская художника. Работники в шляпах устанавливают большой белый холст на станок, холст только что принесли из мастерской. Ему предстоит написать картину по заказу короля для Эскориала. Он связывает большие надежды с этим заказом. Неяркий свет через низкие маленькие окна. Темновато для работы. Холст по высоте метра два и больше в ширину. В стенных нишах большие глиняные банки с красками. Ожидание. Заказчики еще не пришли. Он ходит по комнате из угла в угол, погруженный в свои мысли. Свет из окна раскрашивает фрагменты стоящих у стены готовых и еще не законченных картин. На столе разложены рисунки и эскизы. Хотя он приехал в Испанию уже известным художником, он только начинает получать серьезные заказы. Эта встреча очень важна для него.

То был удивительный день, когда в мастерскую вместе с заказчиком пришел он – Мигель. Удивительно доброе, наивное, почти детское лицо, с теплой улыбкой. Представился поэтом, писателем, пишущим рыцарские романы. Рассказывая о себе, шуточно назывался наивным рыцарем, вечно ищущим свою возлюбленную. Он искренне выражал свой восторг по поводу его картин и заметил, что картины живые, что они светятся. В Италии многие говорили ему это. Но в Испании Мигель был первым, кто это увидел. Он говорил мягко и вкрадчиво. Когда в разговоре ему было важно, чтобы его поняли, он слегка наклонялся и прижимал правую руку к груди. Левая рука его была искалечена ранением. Художнику так нравился этот испанец, с его тихими, скромными, проникновенными словами и этим восхитительным жестом, что ему остро захотелось написать его портрет. Они долго сидели среди картин, пили вино и непринужденно беседовали обо всем. Та встреча с заказчиком прошла легко, почти радостно, хотя обычно для него эти разговоры были всегда мучительны...

н в тени возле стены храма. Эти глубокие тени Толедо. Яркая бело-песочная полоса солнечного света на земле. Он медленно проходит вдоль серой громады стены храма. Его мысли занимает картина недавних похорон ее мужа, в которых и

он принимал участие.

Мужчины в черных одеждах стоят возле тела умершего. Они одинаково и монотонно выполняют строго заведенный ритуал. Бесчувственно неподвижны. Одно живое существо в этом традиционном механизме – она, теперь уже вдова.

Он в стороне и не может выразить ей свое сочувствие. Это некий замкнутый мир с невидимыми границами традиций и предрассудков, в который ему вход закрыт.

Это в Греции и Италии художники добились особого положения, люди начали понимать, что значит для них искусство. Здесь же ты лишь слуга, в лучшем случае хороший ремесленник. К тому же ты еще и иностранец. Лучи солнца, ниспадающие из высоких окон храма, скользят по черным шелковым одеждам, вспыхивают на белой пене высоких воротников. Лица мужчин-испанцев с традиционными усами и острой бородкой клинышком, подпертые высокими воротниками. Легкие клубы дыма из кадилъниц, пересекающие солнечные потоки растворяются в высоте купола. Монотонная молитва пастора, отдающаяся эхом между высокими столбами храма. Блики света на золотой резьбе иконостаса. Состояние покоя и вознесения к каким-то иным, возможно, лучшим мирам, и усталое прощание с этим – земным. Каким был этот умерший граф, он сказать не может. Лишь несколько раз видел он его мимоходом. Знал, что он стар и уже давно серьезно болен. Почему она вышла за него замуж, ему не дано понять, он только знает, что это было решение ее семьи. Станные причуды и традиции богатых. Объединение родов или еще что-то.

В этом мире люди часто исполняют прихоти денег. Уходящая душа своим вознесением совершает торжественную литургию единения миров. И все присутствуют на ней. Редкий случай, когда люди, сами того не понимая, по традиции участвуют в этом великом событии. Он обязательно будет писать эту картину и изобразит в ней два мира: тонкий, высокий и этот жесткий, суровый, материальный, и мистерию их соединения через движение освобожденной души к Отцу Небесному. Образ будущей картины предстал пред ним почти законченным. Он будет писать ее во что бы то ни стало, эту симфонию освобождения души. Поймут ли ее люди или не поймут – не имеет значения. Важно, чтобы красота этого момента осталась жить навсегда в его душе, на его холсте, а потом и в памяти людей. Это нужно ему самому. Только так меняется мир, только так он становится человечней и светлее. Только так меняется и он сам...

Той часов на колокольне храма разрушил цепочку воспоминаний, возвращая в реальный мир. Причудливый рисунок тени здания на ослепляющих отраженным светом плитах площади. Жаркая, ленивая, полуденная тишина. Не хочется выходить из спасительной тени. Стайка голубей, плещется в луже возле бьющей из стены струи фонтана. Картина, которую он встречал почти во всех городах где бывал. Птицы ведут себя одинаково везде. Что делает людей такими разными? Почему они здесь не такие, как у него на родине? Как красив этот город, и как он противоречив. Прекрасная архитектура и почти каждый день проливается кровь. Шпаги слишком часто звенят на этих улицах. Вспыльчивые, заносчивые гордецы. И одновременно фа-

натичная вера и холодящая душу всевидящая инквизиция, доносы, пытки, люди исчезают в застенках – как это уживается с Божественным миром? Христос – это же любовь, любовь ко всем людям и заблудшим тоже. Почему они берут на себя право судить, пытать и не прощать, и убивать, причем, так жестоко – сжигать заживо! Как это может быть Его именем!

Хорошо, что здесь пока еще никто не знает его мыслей, хотя встреча с Кардиналом – Великим Инквизитором Толедо уже неизбежна. Тот проявил благосклонность к его работам, на днях им предстоит познакомиться, назначена аудиенция. При мысли об этом страх пробегает холодком по позвоночнику. Чего можно ждать от этой встречи? Его картины в Испании воспринимаются настороженно, они слишком непривычны здешнему восприятию. Искушенный зритель прекрасно увидит в них высокую внутреннюю свободу, столь чуждую для местной традиции. Да и композиционно, он часто отходил от церковных канонов. Как к этому отнесется Инквизитор? Ему говорили, что он прекрасно образованный человек. Но почему тогда знания не привели его к миро-

сердию. Почему он считает, что может лишать людей жизни, данной им Господом? Знания ума должны дополняться знанием сердца. Жизнь по закону не возможна без жизни по любви...

Затемненный кабинет Инквизитора. Большая комната. Зашторенные окна. Потолок растворяется в темноте. На стенах висят картины на религиозную тему. В центре стены за креслом Инквизитора большое распятие. В углу среди икон горит лампада. Хозяин усаживает гостя практически в центре комнаты на стул с высокой спинкой, а сам кружится вокруг него по кабинету, перебирая книги и бумаги, разложенные на столах по периметру вдоль стен, одновременно разговаривая с ним. Шуршат его странные одежды, в которых он напоминает большую ночную бабочку. Время от времени он бросает острые взгляды через очки на художника, внимательно изучая его со всех сторон. Тот даже спиной ощущает эти взгляды, как бы

пронизывающие его насквозь. Ощущение тревоги накапливается в сердце. Переполняет желание поскорее убежать из этой мрачной комнаты.

Видимо успокоенный своими наблюдениями, Инквизитор с улыбкой усаживается в кресло напротив, начиная уже конкретный разговор. Художник борется с ужасом, сковавшим все его члены – он понял суть этого человека: холодного фанатика, строящего весь мир вокруг себя от имени Христа, по своим представлениям – таким, каким он считает должен быть этот мир, не останавливаясь ни перед чем. Он твердо верит, что знает, как должен быть устроен этот мир. Если сочтет необходимым, он пошлет на смерть любого мешающего ему, и власть у него для этого есть. Он – создатель мира, который, по его мнению, задумал Творец для людей. Только мир, создаваемый им, на самом деле ужасен. В нем нет места любви человеческой, не говоря уже о Божественной. И он абсолютно безнадежен для внутренних перемен, а потому страшен. Он – пленник своего положения, не оставляющего ему возможности для сомнения в своей правоте. Он должен быть всегда прав. И все должны свя-

то верить в то, что он прав. И весь мир должен в это верить. Трагедия властителей. Их троны управляют ими и губят их.

Инквизитор заговорил о написании своего портрета. Он наслышан о нетрадиционной манере письма художника, и хотел бы заказать портрет именно ему. Он хочет подчеркнуть свою демократичность и широту взглядов, присущую прогрессивным людям Европы, и потому ориентируется на традиции Ватикана, итальянской и греческой школ живописи. Он хочет, чтобы и в Испании появились лучшие образцы новых достижений этих школ. Он связывает их именно с этим художником.

Конечно, художник будет писать этот портрет, будет пытаться передать страшную силу власти этого человека и одновременно его раздвоенность, с интуитивным поиском чего-то иного, может быть даже более совершенного и одновременно для него недоступного. Этот Кардинал уже начинает воспринимать искусство не только как задачу отображения, увековечивания для потомков или как иллюстрацию к религиозной истории. Он понимает его огромное воспитательное и гуманистическое воздей-

ствие, способность художественных образов напрямую влиять на души людей.

Но художник хорошо помнил, как ему пришлось давать объяснения перед комиссией иезуитов по поводу отступлений от канонов церкви в его картине «Срывание одежд с Христа». Разговор с монахами был очень напряженным. Тогда все обошлось, но протокол объяснений был составлен и подписан обеими сторонами. Наверняка Инквизитор читал его перед встречей.

Уходя, он чувствовал себя человеком, вырвавшимся из логова зверя, который почему-то проявил к нему благосклонность...

Выйдя на улицу, он оказался в плотной толпе людей, собравшихся у здания инквизиции в ожидании начала казни, приговоренной к сожжению женщины, обвиненной в колдовстве, приведшем к смерти ее мужа. Ворота открылись, палачи вывели мула, на котором верхом, лицом к хвосту животного сидела женщина средних лет, еще красивая, в рубаше и в высоком бумажном колпаке со связанными руками, почти черными от синяков и с запекшейся кровью на пальцах. Босые ноги ее тоже были в кровоподтеках. Глаза ее были совершенно безумные и удивленные. В них была такая боль, что художник дернулся и отвернулся, как от удара. Она совершенно не понимала – неужели это происходит с ней, и за что это все ей, и неужели

дальше действительно будет смерть. Она не виновата в гибели мужа! За что! Бессилие незащищенности. А толпа вокруг, наполненная восторгом ненависти, как будто была даже довольна. Палач потянул мула за собой, и процессия двинулась от здания инквизиции к площади, где уже высился столб и лежали кучи хвороста. Люди шли плотной толпой, захваченные единым внутренним порывом. Казалось, мимо него движется какое-то огромное животное, рожденное из сотен соединенных в одном движении душ, в ожидании и предвкушении странной зловещей трапезы. Одной на всех. И все спешили, опасаясь, что они что-то пропустят, и им не достанется. Надо все успеть увидеть и насытиться. Проходя мимо, это животное остановилось на мгновение, взглянуло на художника своими большими, змеиными, немигающими глазами и скользнуло дальше к площади, оставив его в полном оцепенении.

Потом уже, когда крики несчастной затихли, и над головами собравшихся потянулся тяжелый запах дыма и горелого тела, они в наступившей тишине, нарушаемой лишь треском сучьев в костре, начали медленно расхо-

диться по домам – сытые, утомленные и все-таки неудовлетворенные, что-то недополучившие, уже предвкушающие и ожидающие следующую жертву, при этом в глубине души удивленные собою и подавленные содеянным.

Безумное яркое солнце Толедо, под которым люди вершат свои кровавые игры. Когда же вы прекратите это, ведь на Земле нет ничего священнее жизни!

От напряжения у него дрожали руки и кружилась голова. Не случайно эти два события совпали: визит к Инквизитору и казнь. Его, иностранца, наглядно предупредили о послушании и правильном поведении. Слишком много за ним поступков, противоречащих их традициям, взять хотя бы его незаконнорожденного сына. Наказание может последовать незамедлительно. Ему казалось, что спиной он чувствует на себе взгляд Инквизитора из-за шторы окна его комнаты...

Впервые художник почувствовал свои годы, усталость в теле, а главное в душе. В нем нарастал внутренний протест против окружающей жизни, людей. Он стал понимать, что ему не интересно все это. Не интересны люди. Не интересны людские игры, людские радости. Все это уже было! Он всю жизнь искал ответа, для чего же, на самом деле он пришел сюда, на эту землю. Есть ли смысл в том, что происходит с ним. В глубине души жила непонятная вера, что идеальная жизнь все-таки существует и путь к ней лежит именно внутри каждого человека. Лишь влияя на себя, изменяя себя, делая себя лучше, мы приближаемся к этому райскому месту. Становимся достойными его. Он никогда не сомневался

в этом. Где-нибудь, может быть, на небе есть мир, который мы называем миром Божественной любви. И путь к нему проложен внутри каждого человека. Не нужно ничего внешнего, только найди этот путь в себе. Изменяя себя, ты движешься по нему к этому миру. Внутреннее чувство всегда подскажет, что нужно сделать, чтобы двигаться в правильном направлении. Только улови эту тоску внутри себя, тоску по чему-то более гармоничному, более совершенному, более человечному. Тоску, которая живет с рождения в каждом из нас. Стремись к этому всей душой. Он был абсолютно уверен, что это именно так.

Подобные мысли пришли к нему, когда он начал писать картины – еще в юности. Ему казалось, что чья-то рука водит его рукою по холсту, составляя поразительные сочетания цветов и форм, неожиданные для него самого. Он поражался и восхищался ими и тосковал, когда по той или иной причине не мог писать. Удивительная пора познания этого восхитительного пространства искусства, ностальгия по высшей Красоте, куда хотел попасть всей душой, и остаться там навсегда. Так всю

жизнь и веда его эта тяга, нереализуемая, мучительная тоска по иному миру, который безусловно существует, и в котором, как он был уверен, только и должен жить человек. Потерянный Эдем. Возможно, это мир, куда мы приходим после смерти. Но как хочется попасть туда еще при жизни...

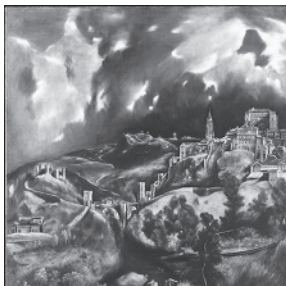

Мигель с художником сидят в таверне, где обычно собираются поэты, писатели, музыканты. Под звон гитарных струн, и с хорошим вином неспешно течет их беседа, постепенно открывающая художнику смысл и незамысловатую радость бытия всех этих простых людей, которые и составляют суть и душу земли. Художник всегда чувствовал себя в Испании чужаком, он не понимал испанцев, но очень хотел понять. Мигель же прекрасно знал свою страну и этих людей, и с удовольствием говорил о них.

Здесь художник впервые увидел фламенко. Станный, дивный танец, даже не танец, а какое-то огненное действо в удивительном неповторимом рисунке звуков – ударов каблуков танцоров. Немолодая и не самая кра-

сивая испанка исполняла на столе этот странный танец, создававший ударами каблуков, щелканьем кастаньет и гортанными низкими звуками ее пения, чередующимися с паузами неподвижности и с резкими потоками гитарных ритмов удивительное спиральное пространство вокруг нее, притягивающее и захватывающее все окружающее в единый вихрь, устремляющий ввысь. И тогда все в комнате теряли контроль над собою, отбивая ритм ладонями и сливаясь в единое, неразделимое целое. Глубинная, от земли идущая и ни с чем не сравнимая природная мощь была в этом танце.

С души художника слетела пелена презрения утонченного европейского человека к этому непонятному, казавшемуся ему диким, народу. Этот танец дал ему для понимания души испанцев больше, чем все исторические трактаты и книги, которые он прочел. В сущности своей, все они были самыми настоящими язычниками, до сих пор живущими внутри сил природы, прекрасно ощущающими их и удивительно сочетающими их с христианством. И это очень нравилось ему...

Ныльная дорога за городскими стенами Толедо. Художник с Мигелем и помощниками, ведущими нагруженного мула подходят к мосту через реку. Он получил заказ – сделать план земельного участка на другой стороне реки, сразу за стенами города. Яркий ветреный день. Набегающие облака то закрывают, то открывают солнце, то зажигая цветочные пятна на полях и стенах домов, то погружая их в тень. Они стоят на высоком холме, наслаждаясь этой стремительно меняющейся картиной. Грозовая туча медленно поднимается на горизонте за городом, придавая картине напряжение ожидания. Тогда еще Мигель заметил, что крепостные стены мешают городу, закрывают его от слияния с природой. Как было бы

лучше, если бы их не было. Почему мы вынуждены все время защищаться от кого-то? Почему не можем жить в единении с миром, как живут, например, животные. Мир без стен и заборов – как это прекрасно! Почему людей все время разделяют стены, и что может соединить их? Может быть, в этом и состоит задача искусства? Есть люди в этом мире, которые составляют некую группу носителей новых идей, взглядов на жизнь, нового мышления. Люди, которые являются «солью земли», как сказано о них в Евангелии. Их жизнь отличается от жизни всех остальных людей. Они редко становятся богатыми, редко бывают удачливы в семейной жизни. Но они постоянно находятся в поиске и созидании чего-то нового, более совершенного, более красивого. Для них – это бесспорная цель, не вызывающая никаких сомнений. Почти всегда они знают, куда идут и зачем идут. Редко соединяющиеся вместе для общей работы, они всегда узнают и поддерживают друг друга, как члены одной семьи.

Таковыми людьми и были эти два друга, сидящие на вершине холма, перед которым раскинулся город, который

они так любили и так ненавидели. Их кувшин с вином давно опустел, но уходить не хотелось. Они сидели молча, ничего не говоря, но прекрасно ощущая свое глубинное родство и единение. У каждого из них было ощущение, что они частицы одной большой души, которая заполняет пространство всего мира и состоит из миллионов и миллионов подобных. Им было грустно, не хотелось расставаться. Почему-то они понимали, что это их последняя встреча.

Именно тогда художник решил написать этот пейзаж, которым они любовались. Но только так, как говорил Мигель, без разделяющих людей стен, но обязательно с ослепительными прорывами сквозь облака лучей этого прекрасного вечного Солнца...

Художник на корриде. Он не любил это зрелище, но отказаться было невозможно. Его пригласил один из заказчиков в свою ложу. Это уже считалось знаком признания его в обществе.

Сама арена была достаточно убогой, но красавец-бык вызывал всеобщее восхищение. Он был так естественен в своих грациозных движениях огромной массы великолепных мышц. Сын великой Природы, он был гармоничен и естественно силен для защиты своего стада от врагов, для любви и продолжения рода, для охраны потомства – все, в чем заключался смысл и полнота его жизни. Его насильно привели на эту арену, где ловкий убийца доведет его сначала до безумия, а потом и до смерти. Почему это нравится людям? Бык не был пред-

назначен жизнью для этого. И Тореадор тоже не родился убивать. Люди заставили их делать это ради получения острых ощущений, от которых дрожат руки и сердце проваливается в пустоту внутреннего радостного ужаса. Почему они так ценят и любят эти болезненно острые переживания? Что в них так радуется чужой смерти?

В этот раз все симпатии были на стороне быка, и ему удалось-таки зацепить рогом этого не очень старательного актера, слишком самоуверенного для такой работы. И арена окрасилась кровью не только быка, но и человека. Конечно, танец тореадора был отточенно красив, особенно в волне красного плаща, на фоне огромной фигуры быка. Но кровь! Может быть, только кровь и придает этому зрелищу такое напряжение и возбуждение. Странно, но человеческая кровь вызвала еще больший восторг публики. Трибуны буквально взвились. Несчастного быстро унесли на руках, а бык в одиночестве еще какое-то время легко обегал арену, постепенно замедляя бег, недоуменно озираясь и орошая песок кровью из ран на спине. Его все равно сегодня убьют, но уже тихо и подло за кулисами арены. Но сейчас он победитель, он

выполнил свой долг, изгнал врага. На арене остались лежать смятый плащ, треугольная черная шляпа и шпага. Песок постепенно поедая пятна крови. Новый то-реадор разминался у выхода. Суетились помощники, загоняя непослушное животное в коридор. Бык не хотел туда идти, как будто понимая, что там его ждет смерть. Зрители шумели, уже не обращая внимания на арену, пили вино, заедая лепешками и сыром. В ложе, где сидел художник, все были в напряженном возбуждении. Женщины энергично обмахивались веерами, глаза их призывно блеснули, движения стали резкими и вызывающими. Мужчины распались на маленькие группы по два-три человека, пили вино, обсуждали моменты прошедшего боя.

Слева, по диагонали арены была ее ложа. Она была там, в окружении поклонников и красивых женщин. Был момент, когда они встретились глазами, и она чуть улыбнулась ему. Для него она была такой же, как всегда, но она уже стала такой же, как все. Ей нравилось быть здесь. Чувства вожделения, острой чувственности, подстегнутые пролитой кровью, дотоле неизвестные ей, прони-

кали в нее, переполняя восторженным желанием. Она впитывала их, наслаждаясь этими незнакомыми ощущениями, усиленными вниманием и лестью окружающих ее мужчин. Оркестр заиграл марш. Новый тореадор вышел на арену. Игры смерти продолжаются. Сославшись на плохое самочувствие, художник раскланялся и вышел из цирка. Сердце стучало и рвалось из груди. Смерть на арене и эта встреча с ней здесь, вызвали ощущения почти физической боли. То, что она счастлива, и вокруг нее столько мужчин, вызывало раздражение, внутреннее негодование от ревности или ущемленного самолюбия. Презрение к этим мужчинам, смешанное с завистью – она выбрала их. Он не ожидал таких переживаний. Чувство одиночества и, видимо, ревность снова стиснули его горло холодными тисками. Он чужой здесь, на этом празднике страстей, в этом привычном зрелищном танце смерти.

Через открытые ворота заднего двора он увидел тело убитого быка, которое деловито готовили к разделке. В распахнутых глазах животного так и остались недоумение и вопрос – почему? Большая муха быстро пробе-

жала по глазу, остановилась на секунду у ресниц, перебирая передними лапками и резко взлетела. Работники арены обвязывали задние ноги быка, готовясь вздернуть его на крюк для разделки. Прощай, красивое животное. Ты прожил достойную для мужчины жизнь. И умер не от старости...

Ночь, улица. Слуга несет факел, освещаая дорогу. За ним идет усталой походкой художник, опираясь на трость. Звезды над головой – южные, яркие, крупные, отражающиеся в воде фонтана. Силуэты платанов и кипарисов на фоне неба.

Город живет ночной жизнью. Где-то слышны голоса и звук гитары. Неожиданно возле самого его дома из темноты к нему бросилась женщина, укрытая густой вуалью и схватила его за руку. Боже мой – она! В такой час! Но все – без слов. Скорее – в дом, укрыться от этого мира, от глаз людей. Она все-таки пришла к нему! Она в его доме. Молча проходит по комнатам, изучает обстановку, скользит рукой по лежащим вещам. Принесли свечи. Комната озарилась светом, открывая скромную об-

становку. Она проходит в мастерскую. В дрожащем свете свечей таинственно загораются лики картин. Из темноты проступают банки красок, кисти, инструменты в нишах беленых стен. Она подносит подсвечник почти вплотную к картине, стоящей на станке, всматриваясь в изображение. Это еще не законченный портрет – идадьго в полный рост, в блестящей кирасе, шлем лежит на полу. Ощущение – что будто он появился в комнате из темноты. Она еще до сих пор не сказала ни слова. Художник, опустив руки, стоит в дверях в ожидании и надежде. Она со свечою в руке проходит вдоль стен мастерской, рассматривая рисунки и эскизы. В углу комнаты дверь, она толкает ее. За ней маленькая комната с узкой аскетичной кроватью – спальня художника. Одно занавешенное окно. На стене распятие с лампадой, на столе у кровати кувшин со стаканом. В углу, напротив распятия, большое кресло. Вдоль стены – полки с книгами. Она входит в комнату, ставит свечу на стол, сбрасывает шаль на кресло. Ее открытые руки легко скользят по крючкам и застежкам платья. Он оцепенело замер в дверях. «Ну, иди же», – единственное, что сказала она.

Утром он проснулся от ощущения взгляда на своем лице. Она, облокотившись, не мигая, смотрела на него. Море волос на подушке, ее восхитительный запах. И тут же недоверие к своим чувствам. Неужели его жизнь переменилась? Боязнь того, что это все исчезнет, как навяждение. Он лежит, молча глядя в ее глаза. Что же она решила? Это ее временная прихоть, или она больше не уйдет? Гибким движением она выскользнула из постели и, взглянув на него через плечо, сказала: «Нам нужна постель по шире». Сердце его радостно забилося. Он рассмеялся. Может быть, впервые за эти прошедшие месяцы, лежит, не желая вставать, слушая, как она отдает распоряжения служанке на кухне. Опять возникло то забытое ощущение родительского дома с его материнской заботой, уютом, который приносят только женщины, ощущение устойчивости, стабильности, понятных простых радостей быта, хорошо известных женатому мужчине.

В семейных делах ему не везло. Однажды он уже был женат, в Италии. Но жена скоро умерла. Не оставив ему детей, которых он так хотел. Неужели сейчас ему все-таки

повезло! Лучи света из-под отогнувшегося края занавески скользят по ребру стола, освещая кресло на котором лежит ее черная кружевная шаль. Он с удовольствием разглядывает эту тонкую женскую вещь, поселившуюся в его аскетичном мужском мире. Ну что же, жизнь меняется и, будем надеяться, к лучшему.

Они ели на кухне из одной сковородки яичницу с помидорами, зеленью и сыром, запивая красным вином с лепешками. Она сидела по-домашнему, в незатянутом корсете, с распущенными волосами, а он любовался ею, боясь спугнуть это дивное мгновение ненужными словами.

Она, как капризный ребенок, ходила по дому, выбирая себе комнату, придирчиво рассматривая стены, углы, окна. Ей хотелось быть поближе к нему, когда он работает в мастерской. Он освободил комнату рядом, где до этого он готовил краски и работал над эскизами. Наняв носильщиков, она отправилась в свой дом за вещами, а он распорядился подготовкой комнаты для нее. Эти хлопоты вызвали в нем тихий восторг. Он еще не задумывался о том, что брак между ними не возможен. Слиш-

ком велика разница в положениях в обществе. Правда, ему было обещано место придворного художника, возможно, со временем, удастся получить и дворянство. Это вселяло какую-то надежду. Но сейчас ему все равно. Она здесь, и больше ничего не нужно. Он пытается вспомнить о том, что ему нужно было сделать сегодня, но не может сосредоточиться и все ходит по комнатам дома, что-то переставляя, убирая. Потом вспомнил, что действительно, нужна другая кровать, послал за мебельщиком. Нужны другие шторы, стулья... Он опустился в кресло – нет, теперь это все решать будет она. Твое же дело писать картины, не забывай об этом...

Утро следующего дня. Он начал писать ее портрет. С огромным удовольствием писал прекрасное лицо молодой женщины, которую любил. Никогда ему не работалось так легко. Он наслаждался процессом, насколько возможно растягивая это удовольствие. Ему нравилось даже смотреть на нее, не говоря уж писать, без каких либо идей и замыслов, просто изливая на холст всю свою любовь и восхищение ею. Она еще не успела разобрать привезенные из дома вещи и взяла первую попавшуюся меховую накидку, хотя была весна, и уже становилось жарко. Она просто сидела в мастерской, закутавшись в нее, наслаждаясь его любящими взглядами, необычностью ситуации, своим новым домом, пусть маленьким, но домом, где

царила она и где был он. Ей не хотелось думать о своих родственниках. Как воспримут они ее поступок, оскорбляющий древний род? Сможет ли она удовлетвориться простыми семейными радостями? Как долго они будут вместе? Она любила его, но хорошо знала о себе, что своенравный характер часто портил ей жизнь. Она привыкла жить с размахом. А сейчас – этот маленький дом. Но он был лучшим из всех мужчин, что прошли мимо нее за это время. Несравненно лучшим. Она ощущала глубину знаний и внутреннюю силу этого человека. Он нес в себе что-то такое, что общение с ним делало окружающих людей другими. С ним все время хотелось быть рядом, слушать его, когда он говорил. Но они чаще молчали, понимая друг друга без слов. Как хорошо было бы иметь детей. Она понимала, что от такой любви должны появиться дети. И замечательные дети. Тогда и ее жизнь наполнится смыслом и пользой. За окном темнело. Он писал весь день с небольшими перерывами, но абсолютно не устал. На станке сверкал портрет, ее портрет! Он в восхищении разглядывал его – практически за один сеанс готов портрет. Ему казалось,

что кто-то другой, воспользовавшись им как инструментом, сотворил это чудо. Какой-то прекрасный, великий художник пришел и сделал эту картину. Он не понимал, как он нарисовал ее. Он восхищался картиной, боясь притронуться к ней кистью, чтобы не испортить. Она была закончена и совершенна. Осанна, Господи! Велики чудеса Твои! Торжественная литургическая тишина возникла в мастерской. Как будто кто-то невидимый и великий стоял рядом с ним возле портрета. И этот великий был настоящий автор картины, а не он – художник. Из кухни доносились женские голоса, погруженные в хлопоты вечера, а здесь, в мастерской, стояла абсолютно неподвижная храмовая атмосфера, и творилось чудо. Какое это счастье – ощущать, как на эту землю спускается Красота! И ты принимаешь в этом участие. На следующий день начали приходить друзья. Слухи в этом городе распространяются стремительно. Это довольно смелый шаг – демонстративно жить вместе, не оформив, как полагается, брак, в этой стране жестких религиозных традиций. Какова еще будет реакция ее родственников?

Всех кто приходил, просто поражал ее портрет. Люди стояли молча, подолгу перед ним, он всем решительно нравился...

Спустя какое-то время стало понятно, что она беременна. Он был на небесах от счастья. Ей тоже нравилось это положение. Просто потому, что оно было новым и придавало ей иное качество, более высокую значимость в собственных глазах. Она уже была не одна и ощущала в себе другую, только еще нарождающуюся жизнь. Как интересно было прислушиваться к себе, замечать изменения в теле, в мыслях. А эти подготовительные хлопоты! Шить и вязать крохотные детские вещички. Покупать пеленки, одеяльца. Восхитительные моменты! Их дом наполнился трепетным ожиданием предстоящих событий...

Из столицы пришла весть, что Король принял его последнюю работу, заплатил за нее, но в Эскориале ее не разместил. Она не понравилась ему, и больше заказов не будет. Он теряет обещанное место придворного художника, а с ним и планы на дворянство. И как раз сейчас, когда появилась надежда семейного счастья. Очередной провал его планов и устремлений. Жизнь всегда так поступала с ним – вселяла в него надежду, и тут же ее отбирала. Ее родственники никогда не согласятся на их брак. Скорее, они будут закрывать глаза на их совместную жизнь, и это в лучшем случае. Сейчас у него есть заказы, он достаточно популярен, но его живопись воспринимается людьми неоднозначно. Отказ Короля также не улучшит отношения к нему в обществе. Жизнь не выпускает его из кольца проблем...

Большая комната – зала с каменными стенами, освещенная факелами на стенах и свечами в большой кованной люстре. Зала в фамильном доме семьи де лас Куэвас, ее семьи. Много людей. Традиционный вечерний ужин. Входит художник в сопровождения слуг. Его встретили на улице и привели сюда. Он встревожен. Его пригласили для беседы ее родственники. Они стоят перед ним. Четверо мужчин – глава семьи и братья, вокруг еще много гостей и вооруженных слуг. Внимательно, изучающе смотрят на него. Они хотят запугать его, угрожая, требуют прекращения их отношений. Он стоит молча перед ними. У него шпага, рука на эфесе. Все слуги также держатся за оружие. Они принимают его как простолюдина, и не собирают-

ся с ним церемониться. Он же стоит твердо, отказываясь подчиниться их требованиям. Речь идет о возвращении ее домой. То, что он посмел возражать, их обескуражило. Они не ожидали такой твердости, но и не готовы пойти на убийство иностранца, хотя в Толедо это в порядке вещей. Разговор закончен, он категоричен, развернулся и, не поклонившись, вышел. Глава семьи знаком остановил слуг, дав ему уйти. Она всегда была самостоятельна, особенно после смерти ее мужа, демонстративно делала все, что хотела и этим мстила своим родственникам за свой несчастливый брак и потерянные годы. Тогда она вышла замуж по их настоянию. Сейчас она богатая вдова, и они зависят от нее. Им приходится считаться с нею. Придя домой, он ничего не сказал, хотя она почувствовала, что что-то произошло. Конечно, на следующий день она все узнала и пришла в бешенство. Характер у нее был крутой и независимый, она ничего не боялась и даже всегда носила с собой кинжал, спрятанный в складках ее платья. Не сказав никому ни слова, ушла из дома и вернулась только вечером, притихшая и удовлетворенная. Первое сражение со своими родственниками она

выиграла. Они больше не будут вмешиваться в их жизнь. Дни потекли в тихой радости совместного бытия, в его творчестве и ожидании...

Наконец, настал тот день, когда в их доме раздался детский плач. Его долго ждали и готовились. Повитуха уже несколько дней жила с ними в доме. Родился мальчик, ночью. Художник несколько часов просидел в мастерской, скрючившись и сжав руки коленями, не спуская глаз с ее портрета, прислушиваясь к звукам из ее комнаты. Когда его пустили к ней, он упал на колени перед кроватью, уткнувшись головой в ее ноги. Рядом с нею, под крылом ее руки тихо попискивало маленькое существо, завернутое в пеленки. Вокруг суетились служанки, что-то принося и вынося из комнаты, убирая с пола разбросанные простыни, тазы и ведра с водой. Он благодарно целовал ее ноги через простыню, а она нежно перебирала рукой его волосы.

В углу комнаты уже сидела кормилица. Повитуха взяла ребенка и передала ей. Художник еще не понимал своих чувств к этому существу, кроме той очевидной нежности ко всему хрупкому и крошечному. Он боялся взять его в руки, чтобы случайно не навредить, только смотрел и смотрел на это круглое личико с закрытыми глазками и на маленькую ручку с крохотными пальчиками, трепетно взмахивающую в воздухе возле груди кормилицы. Вот и пришло в мир еще одно существо. Сын! У тебя есть сын! Пока это не укладывалось в голове. Он сидел в мастерской с кувшином красного вина среди подсвеченных картин – других его детей, которым досталось столько внимания, и думал о том живом существе, которое тихо посапывало в колыбели в соседней комнате, возле постели спящей утомленной матери, и ему казалось, что это все, что может желать человек для счастья. Из темноты с картин на него взирали проступающие лики святых, еще незаконченные портреты людей, которые неожиданно для него как бы отступили на второй план в его жизни. Родившийся сын властно подвинул их всех и занял место где-то рядом со своей матерью – в самой со-

кровенной, главной области его души. Картины как будто грустили и упрекали его за эту перемену в отношении к ним. Они были всегда ему верны. Даже когда они уходили из мастерской в мир, он чувствовал свою связь с ними. Как будто часть его уходила вместе с ними и начинала жить в другом месте, и он ощущал, что сам разрастается и расширяется в этом пространстве, вместе с ними, заполняя собою весь мир. И этот мир сливается с ним...

Когда по дому рассыпался горох пажков маленького Хорхе, и звонкий колокольчик его голоса стал слышен из всех углов дома, она пришла в мастерскую и сказала: «Я сняла нам новый дом, у тебя, наконец, будет большая мастерская и тебе никто не будет мешать». Это были апартаменты во дворце маркиза Виллены, в бывшем еврейском квартале Толедо. Переезд занял неделю. Он потом еще долго терялся в огромном доме, блуждая по комнатам. Зачем им нужно двадцать четыре комнаты, он понять не мог. Но она была счастлива – и это главное. Она, наконец, почувствовала себя хозяйкой большого дома с прислугой – ее дома, который мог поспорить по размерам с родительским. Несколько комнат занимала его мастерская, каби-

нет, где он принимал гостей и заказчиков, его библиотека. В доме даже была бывшая тронная зала маркиза, где они собирали друзей на вечерние обеды. Иногда они приглашали музыкантов, игравших на этих обедах, много самой разнообразной публики стало появляться в их доме. Прежде он больше закрывался, защищался от людей. Сейчас они стали жить более открыто. Он получил официальное звание жителя Толедо ...

Ночь. Она в черном платье с облегающими длинными рукавами, в темных, не освещенных комнатах дома на ее половине. Свет в конце коридора, мужская фигура. Крупный мужчина средних лет, в шляпе с полями. Он один из прошлых ее поклонников, долго отсутствовал, уезжал. Она неосторожно что-то обещала ему. Он требует от нее выполнения обещаний, шантажирует ее. Разговор принимает острый характер, при этом и у нее сохранились какие-то чувства к нему. Это не первая их встреча, все предыдущие она сохраняла в тайне, но впервые он явился в ее доме по своей воле, угрожая скандалом. Она стремится защитить свою семью, свою любовь к художнику. Она в нервном напряжении на грани срыва, положение очень сложное,

выхода из которого она не видит. Она не хочет никаких изменений в своей жизни. Он угрожает, и она выгоняет его. Это серьезное оскорбление для мужчины-испанца. Она понимает, что он будет мстить и ей надо что-то предпринимать.

Солнечный день. Этот мужчина идет по улице в шляпе и плаще, руки висят вдоль тела и слегка расставлены. Он вызывает впечатление силача. Крупная фигура. Уверенная походка чуть вразвалку, от плеча. Навстречу ему несколько человек в черных одеждах. Они вооружены. Преграждают ему путь. Он принимает их за уличных грабителей и не доставая оружие, кулаками разбрасывает их, но получает неожиданный сильный удар шпагой в бок, падает спиной на стену дома и медленно оседает по ней на землю, заваливаясь на бок. Рана смертельна, и он сразу теряет сознание.

Это были нанятые ею люди. Вечером один из них докладывает в ее комнате. Она молча выслушивает и отдает ему мешочек с деньгами. Только сейчас она начинает понимать, что сделала что-то непоправимое. Какой-то болезненный резкий ком поселился в сердце. Нервно хо-

дит по комнате, молча ломая руки. Она не хотела этой крови, но выбора, как ей казалось, не было. В этом городе смерть на улицах достаточно обычное явление, но эта кровь как будто встала стеной между ней и художником. Она осознает, что их чувство несовместимо с преступлением, которое она совершила. Они оказались в разных мирах. Она хотела спасти положение, разрушаемое ее старыми ошибками, но только все потеряла. Так, как было раньше, уже не будет. Преграда возникла между ними. Она чувствует возникающую пустоту, неумолимо отдаляясь от него. Это преступление сломало то, ради чего она его совершала – ради сохранения их чувства. Ее шаги перешли практически в бег по комнате. Она не может успокоиться и взять себя в руки. Чувство возбуждения и беспокойства нарастают и овладевают ею, резко обостряется старая боль в середине груди, она задыхается, начинается истерика. Она падает на пол и бьется в конвульсиях, на губах пена. На крик вбегает служанка и зовет художника. Он вбегает в комнату, его куртка в краске. В растерянности он держит ее за руки, не понимая, что происходит. Посылают за врачом. С трудом

переносят ее на кровать. Пытаются привести в чувство, оборачивая ее голову мокрыми простынями. Пришедший врач пускает кровь. Она несколько успокаивается, но правая рука перестает слушаться ее, а затем и лицо замерло в какой-то гримасе. Она не может произносить слова, язык не слушается ее. Художник в ужасе и в полной беспомощности. На его глазах она умирает! Ей тяжело дышать, она смотрит на него с мольбой и ничего не говорит. Через некоторое время взгляд ее затуманивается, становится неподвижным, и дыхание останавливается. Художник стоит на коленях перед постелью, вцепившись в ее руку, и рыдает. Всего час назад она была здесь и жива. Вселенская пустота стремительно обрушивается на него. Внутри больше не осталось ничего, сплошная темнота. Врач и слуги безуспешно пытаются увести его. Он вцепился в ее руку и не отпускает. Ощущение, что у него помешался рассудок. Его оставляют в покое. Ночь он провел возле ее тела. К утру, как ни странно, он внутренне собрался, взял себя в руки и сам вышел из комнаты. Сам пригласил их знакомого пастора, для проведения всех ритуалов. Сам отдал все необходимые указ-

зания, касающиеся похорон. В ее комнату он больше не входил.

В храме при отпевании он стоял бледный, никого не замечающий. При прощании он последний раз поцеловал ей руку и вышел из храма. Тело забрали ее родственники и поместили в фамильный склеп семьи де лас Куэвас...

В очередной раз он остался один. И жизнь для него опять потеряла всякий смысл. Что за проклятие над ним, почему все время так происходит, все рушится, когда жизнь только начинает налаживаться. Он заперся в мастерской и много пьет. На столе все тот же любимый его кувшин – друг и свидетель всех событий жизни. Как бы хотелось художнику сейчас уйти вслед за ней из этого мира. Но она оставила ему сына, которого он так любит. Нужно жить ради него, как бы ему не было тяжело, вырастить его. Надо собираться с силами и опять начинать работать. И он понимает, что обречен и дальше продолжать жить и писать.

Но быть в этом доме, созданном ее руками, он больше не может – здесь всюду она и одновременно ее нет. Жить

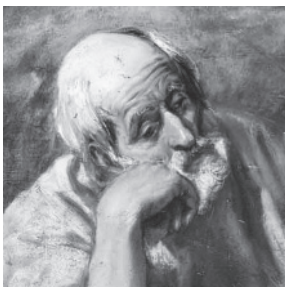
здесь слишком больно. Только в мастерской он еще может находиться. Надо съезжать отсюда.

Довольно долго он подыскивал дом, потом переезжал на новое место, затем были четырнадцать лет тихой спокойной жизни, в основном посвященные работе и обучению сына. Главное, конечно, это была работа. Все силы он отдавал ей. Наконец, он получил признание – это радовало. Все-таки художнику всегда нужно признание людей. Взросление сына тоже как-то скрашивало его жизнь. Потом семья сына, невестка, внуки. Но в жизни художника больше не было таких радостных и светлых страниц, которые принесла она. Однажды он опять пришел в этот дом, где они были счастливы, и память неожиданно подарила волну радости его душе. И он вновь захотел вернуться сюда – теперь уже в поисках воспоминаний о ней, чтобы вновь пережить хотя бы в своей памяти тот прошлый маленький период счастья, когда она была рядом, ту полноту человеческой радости, которую многие и считают всем смыслом жизни...

Художник в храме стоит перед алтарем, за которым образ, написанный им. Он уже пожилой, признанный художник. Рядом с ним молодой пастор, одетый в монашескую одежду. Светлая ряса без рукавов с капюшоном, перепоясанная веревкой, одетая на темную рубашку с длинными рукавами. На рясе сине-красный крест тринитариянского ордена. Храм наполнен светом и в нем ярко звучит картина. Они обсуждают ее. На картине, отчетливо проявился его необычный стиль письма, выделяющий духовные элементы, сознательно выворачивающий пространство и нарушающий пропорции фигур в расчете на обозрение их снизу и создающий некоторую воздушность, фантастичность, нереальность изображенных героев и всего

мира вокруг них. Стилль, отображающий пространство скорее мыслей и чувств, чем реальных действий. Некая мифичность, сказочность бытия персонажей, возвращающая зрителя в мир библейских событий. Мир, в котором одновременно живут и люди и боги и ангелы. Картины, создающие на земле пространства небесных миров. Пастор, с которым разговаривает художник, прекрасно ощущает это, и ему все очень нравится. Он обожает художника и преклоняется перед ним. Ему поручено представить работу художника высокому духовенству, которое, как всегда, реакционно. Живопись необычна, но также необычна и сама Библия. Этот живописный стиль ближе других художников передает ритмику священных книг. Картины создают в храме прекрасный сказочный мир Библии, и вся архитектура собора начинает звучать, подчиняясь этому восхитительному ритму...

Ночь в большой мастерской художника. Он сидит в резном кресле с высокой спинкой. Ему уже за семьдесят. И жить стало совсем тяжело. Работает он мало но, как и прежде, пишет большие картины, только уже значительно дольше.

Хорошо, что помогает сын. Некоторую радость доставляет семья сына, его дети. Но ощущение грядущего ухода уже не отпускает.

На стенах из темноты проступают картины. На столе подсвечник с горящими свечами, старый оббитый кувшин с вином и стакан. Он бережет этот кувшин и возит его всегда с собой при всех переездах. Этот кувшин – свидетель всех главных событий его жизни и о многом напоминает. Художник устал, дышит тяжело. Сегодня до-

писывал картину, начатую давно, и торопился, наконец, завершить ее.

Последние несколько месяцев к нему стал приходить странный человек. Незнакомец немного моложе его, с белыми седыми волосами и бородой, возможно, тоже художник – уж очень профессионально он смотрит на его картины. Незнакомый одет в странную одежду – художник впервые видит такую. Как он приходит и как уходит – художник никогда не замечал. Просто он видит этого человека и вдруг перестает видеть. Кроме него незнакомца не видит никто. Иногда он приходит днем, и они идут рядом по улице, иногда они сидят вместе в таверне. Но чаще он приходит вечером в мастерскую. Они не говорят между собой. Но каждый раз, когда неизвестный появляется, в памяти художника ярко всплывает какой-то эпизод его жизни и он снова проживает его. Этот человек пробуждает воспоминания о прошлых событиях и присутствует в них, с сочувствием и пониманием сопереживая художнику. Незнакомый глубоко симпатичен ему, иногда он ощущает его даже как бы самим собою, своим двойником. Вот и сейчас он сидит в крес-

ле напротив него. Странно, но рисунок кресла просвечивается сквозь его тело. Художник не удивляется этому. К концу своей жизни он перестал удивляться – он давно понял, что в жизни может быть все. Каждый раз он радуется приходу неизвестного, как возможности возвращения в свое прошлое. Кто этот человек и зачем он приходит – не так важно. Важно, что художник, благодаря ему, снова проживает события своей прошедшей жизни, что-то еще раз припоминая и переосмысливая.

За эти месяцы практически вся его жизнь прошла перед глазами. Он признателен незнакомцу за эти переживания, которые тот как будто пробуждает в пространстве и дарит ему. И сейчас художник опять погружается в теплые картины памяти, выстраивающиеся чередой перед его мысленным взором...

Рим. Художник в итальянской одежде на улице большого города. Худой и юный. Шляпа, набитая ватой очень похожа на подушку с кисточками на углах. Песочного цвета куртка, застежка под горло, много пуговиц. Маленький стоячий воротничок, куртка длинная, от талии расширяющаяся к низу, под курткой трико и длинные туфли. Пояс и короткая шпага. Он возле Ватикана, юный и радостный, полный надежд. Наслаждается пребыванием в этом городе. Беседует с кем-то, в длинном до земли одеянии, на подобии шелкового халата с меховым воротником, в шляпе с пером. Разговор идет о фресках Микеланджело «Страшный суд» в Сикстинской капелле. Они перешли в зал капеллы, рассматривают фрески.

У входа замерли швейцарские гвардейцы с алебардами. Художник рад любой работе, да еще в таком месте, как Ватикан. Он молод и не задумывается над опасностью того, что ему предлагают. Речь идет о том, чтобы одеть фигуры на фресках Микеланджело в набедренные повязки, в соответствии с победившими в это время пуританскими настроениями в папской курии. Художник скептически относится именно к живописи Микеланджело, тем не менее, преклоняется перед его гением. Кажется, что он готов взяться за предлагаемую работу. Он выходит из капеллы один. Неизвестно, согласился ли он, но пока обстоятельства с какими-либо другими заказами складываются не в его пользу. Возможно, ему придется взяться за эту работу. К вечеру слух об этом предложении художнику уже пронесся по городу. Хотя Микеланджело уже шесть лет как умер, в городе его боготворят. Даже не зная решения художника, против него сразу же настраивается общество. На следующий день на улице люди смотрят на него враждебно. Местные итальянские художники перестали с ним здороваться. Вечером в доме, где он живет, камнем выбили стекло в окне. На

другой день нанятые бандиты напали на него на улице и избили. Враждебное отношение к нему нарастает, и через несколько дней он вынужденно покидает Рим.

Он стоит на палубе корабля, отправляющегося в Испанию. В вечерней дымке на горизонте тает близкая его сердцу Италия. Опять обрушение всех его надежд и планов. Опять надо начинать все с начала. Почему в его судьбе так получается? Стоит только в жизни появиться надежде и опять все исчезает. Словно какие-то невидимые силы заставляют его идти по жизни в одном лишь им известном направлении, оставляя ему только возможность работать и работать. А как бы ему хотелось остаться в этом городе, который он так любил...

Незнакомец, сидевший в кресле, исчез, оставив после себя щемящее тепло в сердце и тихую радость с легким сожалением от возвращения в реальный мир. Память по инерции продолжает стремительно раскручивать картины прошлого в обратном направлении течения времени – к юности. Картинки вечного города – Рима, улицы, встречи, лица друзей. Еще раньше – Венеция с ее восхитительными каналами и гондолами, глаза его первой

жены. Детство – его первые успехи в рисовании, их маленький дом на Крите. Неуверенные детские шаги, тепло материнских рук, бесконечно синее небо Эллады...

Утром, что-то срочно заставило художника выйти на улицу, будто какая-то невидимая сила толкала его к собору в женском монастыре, для которого он недавно писал картины в алтаре. В храме был придел, который приобрела его семья под семейный склеп. Тяжело опираясь на трость, прихрамывая, он торопливо шел к монастырю, когда в тени здания на другой стороне улицы он увидел его – незнакомца. Тот ждал художника. Мгновенно он оказался рядом, и бесшумно зашагал рядом с ним. Около собора стоял большой, красивый катафалк с четверкой вороных лошадей и толпился народ. С трудом поднявшись по ступеням лестницы, он вошел внутрь. Под куполом, перед алтарем стоял открытый гроб, где лежало тело мужчи-

ны. Вокруг него собрались люди, и к своему удивлению, художник увидел сына, служанку и плачущих детей. Он подошел к гробу, собираясь спросить сына, но внезапно тот повернулся и шагнул на него. Мгновение – и он прошел сквозь художника, и пошел дальше, подзывая рабочих. Художник повернулся к служанке и только тогда понял, что она не видит его, никто не видит его. Он шагнул к гробу и оцепенел. В гробу лежал он. Незнакомый, который всю дорогу шел несколько позади него, вдруг оказался рядом, и художник впервые почувствовал легкое прикосновение его руки. Он услышал внутри себя: «Не волнуйся – ты умер». В приделе храма в полу было открыто отверстие примерно двух метров длиной, в котором на корточках что-то делали двое рабочих. Рядом стоял пастор, раскачивающий кадильницу, и монотонно читал псалтирь. Рабочие принесли крышку и втроем с сыном, медленно закрыли гроб. Затем, под пение хора гроб с телом опустили в проем в полу, где рабочие приняли и установили его на каменной подставке. У стены храма стояла каменная плита. Шесть человек подняли ее на катки и надвинули на нишу.

Странно, но художник абсолютно безразлично наблюдал эту картину, ничто не волновало его. Было только немного жаль сына, сильно похудевшего и бледного. Но все остальное как будто не касалось его. Он стоял рядом со своей могилой, отрешенно наблюдая, как друзья и родственники засыпают ее цветами. Незнакомый, стоящий сзади, тихонько тронул его рукой, и он не услышал, а как бы понял: «Пора». В этот момент потолок над его головой словно взорвался ослепительным светом, и поток невероятной любви и радости обрушился на него. Чьи-то руки подхватили его, и он стал медленно подниматься в пространстве храма ввысь, совсем так же, как на его картине погребения графа Оргаса. Странно было наблюдать, хорошо известный ему храм с этой точки. Купола храма не было, он как бы растворился, а вместо него был великолепный, сверкающий золотом путь, по которому он скользил в бесконечном наслаждении. «Ну, вот и все» – мелькнуло в голове, и он протянул руки к свету и устремился всем своим сердцем вперед в это золотое кипение...

